

У Цай, шедший во главе слуг, осторожно помогая императору Янь-ди вернуться в постель и прилечь, спросил:

— Государь побыл на ветру и тоже утомился. Сначала немного поспите?

Огненный император Янь-ди с удручённым видом молча кивнул.

Позабывшись об императоре надлежащим образом, слуги тихо вышли и, закрыв дверь, стали ждать, когда их позовут.

В зале царила такая тишина, что можно было услышать звон упавшей иголки.

Горящий в печи огонь тихой тенью падал на стену.

Старый Огненный император Янь-ди был обессилен болезнью. Засыпая лёжа в постели, мужчина никак не мог успокоиться, тело немного знобило, и в мгновение ока император почувствовал, как время от времени его охватывает жар.

Когда было холодно, казалось, что снег и лёд проникают до мозга костей, когда охватывал жар, то словно огонь бушевал внутри.

Слёзный жалобный взгляд Юн Ци, которым он смотрел на мужчину, и худая рука, которая отказывалась отпустить, никак не выходили у императора Янь-ди из головы.

Пролежав на подушке долгое время, император всё же не смог уснуть, и, сев на кровати, он позвал слугу, стоящего за дверью:

— У Цай.

Мужчина спешно вошёл.

Огненный император Янь-ди не сразу заговорил, он молчал. Взгляд мутных, но до сих пор наделённых мудростью глаз устремился на пол из золотого кирпича. Спустя долгое время мужчина проговорил:

— Провозглашаем императорский указ: позвать Чэнь Яньсяня.

— Слушаюсь.

— Ван Цзинцяо тоже позвать.

— Слушаюсь.

— Пускай Чэнь Яньсянь сразу встретится с Нами, а когда придет Ван Цзинцяо, то пусть подождёт в боковой комнате.

Придворный лекарь Чэнь, как только получил указ, явился во дворец.

Увидев на постели Огненного императора Янь-ди, мужчина поклонился, приветствуя его, и сел на пожалованное место. И как только все придворные слуги вышли из зала, лекарь Чэнь спросил:

— По какому делу государь позвал своего слугу?

Огненный император Янь-ди не смотрел на него, его взгляд упал на дрожащий огонь в дальнем углу стены, и неизвестно, о чём мужчина думал.

Придворный лекарь Чэнь, глядя на выражение лица императора, понимал, что тот как раз размышляет над крайне важным делом, и, больше ничего не спрашивая, сидел, опустив руки и молча ожидая, пока Огненный император Янь-ди всё обдумает.

Два пожилых человека находились в роскошном императорском дворце: один лежал на кровати, опираясь верхней частью туловища на подушку и находясь в глубоком раздумье, а второй сидел, храня молчание.

Даже царящий над головою воздух как будто замер.

Наконец губы Огненного императора Янь-ди разомкнулись, и мужчина блёкло проговорил:

— Мы сегодня ездили навещать Юн Ци.

Придворный лекарь Чэнь понимал, что императору есть что сказать, однако выжидающе слушал, позволяя мужчине выговориться, и мягко добавил всего одну фразу:

— И что государь думает?

Лицо императора Янь-ди стало слегка безжизненным, закрыв глаза, мужчина с тяжёлым вздохом произнёс:

— Наложница Ли хоть и любящая всем сердцем мать, но действия её не благородны, жизнь этого ребёнка рано или поздно попадёт в её руки. Тогда... Юн Шань даже если выйдет, всё, что ему останется — вздыхать, печалиться и сетовать. Судьба играет человеком.

Мужчина горько улыбнулся, и в этой улыбке чувствовались бесконечно терпкие и вяжущие нотки.

Народ Поднебесной считал, что император независимый человек. Кто мог понять его затруднительное положение?

Будучи отцом, он понимал, что двое сыновей стали безнравственными, и, чувствуя тяжесть на душе, императору по-прежнему приходилось притворяться равнодушным и не действовать опрометчиво.

Попытаться их разделить?

Пережив так много вопросов, потом крайне жестокое наказание, Юн Шань, скрежеща зубами, держался и ничуть не поменялся. Где уж там он сможет хоть чуть-чуть изменить смысл своих намерений?

Издать указ и заставить уехать в другую страну?

Какой в этом толк? Даже если отправить Юн Ци за десять тысяч ли, разве потом Юн Шань, вступив на престол, не захочет вернуть его обратно?

Будучи императором и отцом, Огненный император Янь-ди не хотел приговаривать Юн Ци к смерти, да и не мог.

Если так, то Юн Шань, наследный принц, где уж тут пойдёт на перемирие? Самого же старого отца Юн Шань непременно мог возненавидеть так, что эта ненависть въелась бы в кости. В крайнем случае что делать с этой затаённой злостью после смерти императора, если престол перейдёт к Юн Шаню и, став императором, он начнёт третировать народ, изливая свой гнев?

Совершенно нельзя было давать волю наложнице Шу.

Если она навредит Юн Ци, то будущий император и его мать обязательно станут как вода и огонь. Для народа Поднебесной важна сыновья почтительность, и если император совершенно не учтивый и не уважающий родную мать, то как он завоеует сердца людей?

Император больше надеялся, что на этот раз, прибегнув к смерти Гун Ухуэя и преподав безжалостное наставление, позволил двум сыновьям испытать боязнь и угрызения совести. Надеялся, что с этих пор они обоюдно согласятся прекратить распускать руки и будут жить в мире и согласии.

Кто бы мог подумать, что Юн Шань не станет отвечать, оставаясь верным себе? Он, наоборот, заседал, отрезая Огненному императору Янь-ди пути к маневрированию. Если необоснованно его выпустить, то всё равно что согласиться с этими двумя сыновьями, а если продолжить

держат их в заключении и допрашивать, то мужчина боялся, что повторное следствие может привести к гибели...

Единственно верный способ — подождать следующего шага наложницы Ли.

Она является родной матерью Юн Ци, который погибнет в руках этой женщины, но Юн Шань не будет обвинять отца-императора, так же как и наложницу Ли, ему только и останется, что сетовать на то, что он сам ошибочно расставлял камни на гобане, делая шаги, и не был в состоянии разглядеть положение дел.

После этого у Юн Шаня больше никогда не будет слабого места [1].

Юноша твёрдо вступит на престол, наложница Шу станет матерью императора, младший близнец Юн Линь будет ему помогать, а министры — верно и самоотверженно служить.

Во дворце прекратятся распри и беды, за его пределами мятежные сановники не станут выступать против вышестоящих, благодаря способностям Юн Шаня в Поднебесной могут настать мирные времена.

Только...

— Мы не являемся любящим отцом, — сетовал Огненный император Янь-ди и огорчённо проговорил: — Мы сегодня ездили навещать Юн Ци и вспомнили, что из-за того, что он родился недоношенным и болезненным, да к тому же по характеру слабым, Мы никогда не возлагали на него больших надежд. Поразмыслив о своих поступках, Мы поняли, что относились к этому сыну с поверхностной любовью, а на самом деле в душе никогда не любили его. Эта маленькая жизнь, как говорят, должна быть отдана в руки наложницы Ли. Разве Мы, как отец, не жестоки, отнимая его силой?

Мужчина сделал паузу и, вновь подняв голову, проговорил:

— Мы были выбраны на должность наследного принца, вступили на престол и несколько десятков лет пробыли императором, истратив душевные силы без остатка. Сейчас, когда скоро уйдём в загробный мир, где встретимся с бывшими правителями, ради Поднебесной и народа нужно провозгласить императора, который был бы лучше Нас и который был бы ни на волос непорочен. Мы прислушивались к нашему сердцу, которое подобно железу, чтобы относиться ко всем терпимо! Совершенномудрый бесчеловечен и смотрит на всё сущее, как на соломенных собак. Что же и говорить о ничтожных сыновьих чувствах? Мы ни в коем случае не допустим, чтобы после того, как Юн Шань вступит на престол, за спиной осталась такая большая скрытая угроза, готовая в любой момент погубить его!

Голос придворного лекаря Чэня зазвучал крайне легко и медленно, словно летящий в воздухе мягкий ватный шип. Мужчина предположил:

— Слова императора по-прежнему звучат словно бронза и камень, однако за ними спрятаны бесконечное горе и печаль. Простите Вашего старого слугу за наблюдательность, но спрошу государя: Ваше Величество навещал Его Высочество Юн Ци, и сердце государя по-прежнему словно камень?

Его слова попали в самое сердце Огненного императора Янь-ди.

Мужчина остолбенел и, вспоминая, проговорил:

— Юн Ци, сегодня схватив Наш рукав, держал, не соглашаясь отпустить. Мы... знаем, что он хотел сказать. Он, по характеру слабый, сегодня повёл себя непреклонно, ввергая Нас в трепет, и всё же это кровь императора... — он тяжело вздохнул, на душе действительно было тягостно, а в глазах появился блеск слёз.

Придворный лекарь Чэнь поднял рукав платья и вытер уголки глаз.

Огненный император Янь-ди, увидев, шёпотом спросил:

— Яньсянь, ты тоже считаешь, что Юн Ци несчастный ребёнок, а Мы, отец-император, слишком жестоки, да?

— Государь, не Юн Ци несчастный ребёнок, а наследный принц. — Смахнув слёзы, придворный лекарь Чэнь со вздохом сказал: — Слеплённый страстью наследник престола огромная редкость в Поднебесной, и если избавиться от Его Высочества Юн Ци, сердце наследного принца тотчас же разобьётся. Впредь, когда он взойдёт на престол как император, его сердце будет холодным, а вид равнодушным, он станет строгим, решительным и сдержанным и не будет управлять государственными делами, как глупец, он продолжит тысячелетнее дело императора, прославляя на многие века, но его сердце будет опустошённым. Вашему старому слуге, представляя печального наследного принца, становится так тяжело, что словами не передать, и Ваш слуга не может не проливать слёз.

Поначалу Огненный император Янь-ди терпел, скрепя сердце, но от услышанных слов старческие слёзы обожгли кожу.

— Яньсянь, это твоё... ходатайство о снисхождении?

Придворный лекарь Чэнь опустился на колени и, трижды поклонившись в пол, приподнялся, говоря:

— Император вступил на престол несколько десятков лет назад и с сердцем совершенномудрого правил в Поднебесной. Действительно, это была эпоха просвещённого правителя. Множество людей видели, как император с корнем вырывает князя крови У и приговаривает наложницу Сяо к линчи, наказывает слуг, безжалостных и не понимающих

императорского милосердия к народу, чтобы в мире царила стабильность, и было недопустимо проявление зла во дворце. Изначально император принял меры насчёт двух Высочеств. Ваш слуга крайне одобрительно отнёсся к этому, хоть и несколько сожалеет. К двум принцам отношение также несправедливое, однако тот, кто совершил большие дела, не должен заботиться только о личных отношениях, всё содеянное государем в конце концов рассматривается Небесами и землёй.

После того как Огненный император Янь-ди погоревал и смахнул кончиком пальца слёзы с глаз, его настроение стало прежним, и уже без какого-либо выражения чувств произнёс:

— Продолжай говорить, выскажи всё.

— Ваш старый слуга не осмелится обманывать государя. По правде говоря, сделанный наследным принцем ответный ход государю, да ещё поведение Его Высочества Юн Ци на самом деле стали неожиданностью для Вашего старого слуги. — Придворный лекарь Чэнь, остановившись, продолжил говорить: — Такой человек, ослеплённый страстью, может сотрясти небо, землю, горы и реки. Почему сейчас нельзя заставить содрогнуться императора, порождая чувство сострадания?

Огненный император Янь-ди резко изменился в лице и, понизив тон, спросил:

— Ты сейчас хочешь, чтобы Мы позволили такую безнравственность? Хочешь, чтобы одержимый собственным старшим братом безрассудный император правил Поднебесной и людьми?

— Всему народу важен лишь просвещённый государь. — Придворный лекарь Чэнь поднял голову и посмотрел на императора Янь-ди с ужасающим блеском в глазах. — Государь, посмотрите на Вашего приближённого слугу, который только и может, что отплатить словами. Ваш старый слуга уже длительное время наблюдает, и есть кое-что, что он не осмеливался спрашивать у государя. Сейчас Его Высочество Юн Ци уже находится в смертельном положении, Ваш слуга не может не спросить.

— Спрашивай!

— Если избавиться от Его Высочества Юн Ци, осмелится ли государь гарантировать, что Его Высочество Юн Шань сохранит свою жизнь?

Огненный император Янь-ди задохнулся и, глядя в упор на мужчину, проговорил:

— Что ты сказал? Ты хочешь сказать, что Юн Шань может искать смерти? Поднебесная... Поднебесная такая большая, он, являясь наследным принцем, несёт на плечах упование народа, обладает любовью и милосердием, окружён единомышленными братьями и множеством министров всех чинов, и он... Он может всё это бросить?! Из всех наших детей он крайне невозмутим и решителен, он может быть таким глупым и непочтительным к родителям? —

Поддерживаемое обеими руками тело обессиленно задрожало.

— Желания наследного принца уже давно стали яснее ясного: он хочет жить вместе с Его Высочеством Юн Ци и вместе умереть, не бросая его. Ваш старый слуга поначалу предполагал, что наследный принц пока молод и с горячей кровью, поэтому даёт любовные клятвы и несёт без раздумья чушь. Когда он немного овладеет собой, вкусит наставлений, то, познав жестокость мира, отбросит глупые затеи. Сейчас же старый слуга задумался, — придворный лекарь Чэнь от безысходности вздохнул. — Только, государь, как Вы считаете, сейчас мысли наследного принца являются мыслями молодого человека с горячей кровью? Ваше Величество когда-то тоже желал быть достойным отца-императора, поэтому у Вас, государь, в душе словно огромный камень. Наследный принц такой же, он сполна хлебнул горя и совершенно не может двигаться.

Ощувив в душе холод и слабость в руках, император Янь-ди мягко повалился на постель.

— Государь! Государь, что случилось? Ваш старый слуга заслуживает смерти! — Придворный лекарь Чэнь спешно поднялся с пола и бросился к кровати.

Мужчина несколько раз растёр поясницу императору, после чего тот вздохнул с облегчением и, поглядев перед собой, долго молчал, а затем тихо проговорил:

— Яньсянь, твои слова верны. На самом деле поверхностно... смотрели... и невольно загнали в тупик, теперь Мы вынужденно опускаем голову. Юн Шань, он отчётливо видит Нас и общее положение и, несомненно, неосновательно хотел проиграть эту партию. Мы хотели подарить страну и не нашли никого другого. Увы, Нам трудно с сынами; хоть наложниц было много, однако выросли лишь четыре сына, из которых Юн Ци, Юн Линь и Юн Шэн не в состоянии поддерживать страну, — просвещённый правитель, что был на склоне лет, от безысходности вздохнул.

У придворного лекаря Чэня на душе тоже было тягостно, и с глазами, полными слёз, он проговорил:

— Государю не нужно горевать, направьте мысли к добру. Просто посмотрите на это и тогда сможете понять, что наследный принц является нестигаемым хозяином. Он не из тех, кого можно озадачить невзгодами, он мужественно встречает поражение и непременно сможет покорить всю Поднебесную. Его Высочество Юн Ци хоть и нежный образованный юноша, однако он добрый и милосердный, если он останется рядом с будущим императором как старший брат, едва ли это будет плохо.

Огненный император Янь-ди сказал:

— Говорить легко. Что касается хозяина Поднебесной, сейчас такой большой беспорядок. Как справиться с ним?

Нисколько не колеблясь, придворный лекарь Чэнь проговорил:

— С мудростью государя это уладить не стоит больших усилий.

Огненный император Янь-ди задумался, и в конце концов блёкло вздохнул:

— Столкнувшись с нераскаянным сыном, только и остаётся, что так поступить. Ван Цзинцяо ждёт в боковой комнате, позови его, у меня есть несколько важных дел, только такой почтенный старый слуга может разобраться с ситуацией.

Мужчина вздохнул, и в голове мгновенно возникло воспоминание: болезненный Юн Ци, не отпускающий его рукав, и необычайно глубокий взгляд юноши, полный скорби и отчаяния.

Не нужно было ездить и навещать его.

Не нужно было, возможно, тогда император мыслями до конца был бы твёрд.

Такова воля Небес.

Для завершения холма недоставало одной корзинки земли [2].

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «мягкого ребра», что означает «ахиллесова пята, слабое место».

[2] Обр. в знач.: сорвать успех дела из-за пустяка; бросить большое дело на пороге его завершения.

<http://bllate.org/book/13372/1189619>